

ПОЙТЕ, МАМЫ, ВАШИМ МАЛЫШАМ

Пойте, мамы, вашим малышам. Пойте, пойте им, когда укладываете спать и когда купаете, пойте, когда одеваете и выгуливаете, когда приболели они или не в настроении. Пойте, ибо песня матери столь же необходима крохотному человечку для возрастания телом и укрепления духом, как грудное молоко, как ласка рук, как нежность и защита объятий.

Да более того, ребёночек, прежде чем увидит маму глазками, уже знает и различает её среди всех иных людей именно через слушанье и слышанье её. Ведь ещё в слепоте утробы ликовал он или вздрагивал, засыпал или волновался в полном согласии с материнским сердцебиением, дыханием и, конечно же, с тоном и мелодикой её голоса. И через это же слушанье и слышанье он ещё до рождения получил отношение ко многому в этом мире. Уже оттуда, из пуповинной неразрывности, из кровной нераздельности он научился увязывать радость и тревогу, покой и нервозность с определёнными нотами маминой, до поры непонятной ему речи. И оттуда он уже полюбил то или не полюбил это, оттуда панически боится чего-то или же безгранично доверяет кому-то. А почему, отчего? – это много позже пусть объясняют ему, взрослому, логики и психоаналитики.

Недавно довелось мне на Валдае поучаствовать в жюри конкурса юных чтецов. С полсотни старшеклассников, прошедших предварительный отбор по школам, читали для нас – педагогов, библиотекарей и писателей, стихи русских поэтов. Прекрасные стихи – под высокими сводами большого зала старинного здания звучали Пушкин и Лермонтов, Гумилёв и Ахматова, Есенин и Рубцов. И какие же вдохновенно осветлённые лица были у читавших о чудном мгновенье и изысканном жирафе, о великом русском слове и звезде полей, и как сияли глаза их искренним восторгом от сопричастия запредельным высотам нашей литературы, в её кружащем голову величии мысли и пьянящей сердце гениальной образности. Так посочувствуйте же тем, кому пришлось выбирать победителей, отставляя побеждённых!

Пушкин и Лермонтов, Есенин и Рубцов под высокими сводами старинного здания... светлые лица, сияющие глаза... Но в какой-то момент меня вдруг пронизала тревога, я вслушался направленно – и да!! Дети, чудные русские дети читали прекрасных русских поэтов «на счёт» – они не чувствовали мелодики их речи, тем более не слышали тонов, отличающих звучание любовной лирики Афанасия Фета от народной Павла Васильева или гражданской Фёдора Тютчева. Ребята не просто не интонировали поэзию, они даже в принципе не ощущали её напевности, не улавливая даже различия самой лирики от патетики, озвучивая все рифмованные тексты одинаково декламационно, на голом ритме. Они не умели слышать напевность стиха в прямой её связи с содержанием. С неповторимыми авторскими особенностями мышления и чувствования Некрасова и Майкова, Блока и Кузнецова.

Восприятие звучания жизни только через счёт – и это для народа, развившегося до Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Рахманинова, Свиридова! Да надо ли кому напоминать, что «Вставай, страна огромная» и «В лесу родилась ёлочка» написаны на одной ритмической сетке? Поменяй мелодию – и кощунство.

Беда в том, что 14-17-летние подростки – второе поколение нашей реформируемой России, дорастающее в немелодическом мире. В мире, где мелодии не являются постоянным фоном человеческой жизни. Ведь уже и 30-35-летние, взрослые люди, сами родители, состоялись, сформировались в этой глухой эмоциональной и информационной изоляции от предшествующих им поколений. Уже те, 35-летние, в своём раннем детстве не наслушались досыта русских и украинских песен, уже они, сами родители, если не ходили в музыкальную школу, то не прикоснулись к культуре русского романса, уже они в полной мере не захватили «подцензурной» советской эстрады, эстрады, по щедрости национальных мелодий вряд ли имевшей себе равновесность в во всём остальном мире.

Диско-рэпп-техно... Второе поколение нашего нового, глобалистского мира, в котором мелодии – фольклорные и авторские – вымещены, забиты ритмами. Точнее, африканским ритмом.

Помните? Когда во второй половине семидесятых диско вводили в европейскую моду, мы так весело, так непуганно воспринимали шоколадных попрыгунчиков, и, вроде бы антисоветски фрондёрствуя, на самом деле бездумно идиотничали под подпевки о сожжении Москвы очередным чингисханом, безумно вторили клеветам на Царицу-мученицу.

Непугано бездумно... А через каких-то десять лет квадратный ритм дотаптывал в эфире всё, что ещё могло напоминать о мелосах итальянцев или чилийцев, бретонцев или белорусов.

В своё время Иван Ильин предупреждал о разрушительности, даже о гибельности для традиционной европейской музыкальной культуры вторжения в неё джазовой афро-американской, писал об улыбающемся негре, смотрящем на танцующих под его музыку «белых», улыбающемся знанию того, что дети этих танцующих сами станут «чёрными». Однако джаз, стремительно захватывая аристократические салоны и дорогие клубы, нигде не становился музыкой народной. Более того, он сам встречно перемалывался, переваривался и растворялся в неизмеримо более высокоразвитом танцевально-песенном наследии эллинских, романских, германских и славянских этносов, превращаясь лишь в модную инструментовку всё тех же «старых добрых» сиртаки, фарандол, полек и краковяков. И маршей: «Нам песня строить и жить помогает».

Но всё же потомки Хама отняли детей у рода Иафита: то, что не получилось через размывание и коверканье джазовыми «импровизациями», произошло через лобовую атаку примитивным четвертным ритмом. О степени расово-ритмической несовместимости народных культур можно судить на примере «от противоположного»: коренные жители Африки не могут танцевать вальс. Они не слышат дробных ритмов – ни 3/4, ни 7/8, а, тем более, иных ассиметричных метров и тактовых размеров. Поэтому чернокожие танцоры, при всех их замечательных физических данных и великолепных внешних формах, не способны к полноценному классическому балету, а потому танцуют в основном модерн. В отличие от тех же монголоидов (тоже потомки Ифита?), которые, при (с точки зрения европейцев) проблемной эстетике тела, полноценно воспроизводят в танце и Чайковского, и Стравинского.

Мы возвращались с Валдая в Москву ночью. Я упорно отжимал и отжимал кнопки, в течении шести часов пытаюсь поймать в радиозфире хоть одну чистую мелодию. Но звучали тамтамы, погремушки, барабаны, бубны... Даже то, что заявлялось как «ретро», было переоркестровано, перепето под доминанту ударных: «упс-упс-упс-упс». И в глазах всплывали картинки вечеринок, дискотек, ресторанов, ночных клубов – однообразно колышущиеся головы, однообразно качающиеся тела... однообразно, однообразно, без различия возраста, пола.

На это «однообразие» танцующих психологи возлагают немалую долю вины за несостоятельность многих нынешних браков. Танцевальные традиции – это, прежде всего, часть народных обрядов брачевания, важнейшая ритуальная составляющая личного знакомства, выбора из вариантов и предварительного схождения молодых людей перед созданием семьи. Для этого у всех народов мира существуют отдельно мужские – для демонстрации удали, и женские – для показа изящества, танцы, у многих, прежде всего европейских, – парные. И утеря этой традиционной ритуальности с унификацией, а точнее, с обесмысливанием танцевальных рисунков и движений – одно из составляющих стремительного разрушения полового самоопределения современной молодёжью, одна из несомненных помех в становлении наших юношей полноценными мужчинами – мужами и отцами, ответственными главами и защитниками семьи и рода, а девушкам в видении

себя женщинами, т. е. в смирении – в религиозном смысле! – перед ролью «просто» мужней жены.

Однообразно колышущиеся головы, однообразно качающиеся тела... Победу африканского примитивного ритма над мелосом во многом обусловила его декларативная сексуальность, чарующе действующая на подростков. Но именно эта гипертрофированная сексуальность с отсутствием в ней половой дифференциации – где каждый сам по себе, сам в себе, только с собой любимым, в эгоистичном равнодушии ко всем неразлично однообразно колышущимся напротив и вокруг, провоцирует у танцующих юнцов извращения. Гомосексуализм, захлестнувший Запад и всё наглее заявляющий о себе в России, в числе прочих, имеет себе и причину в подчинении эмоциональной жизни европейца принципиально чуждому ему культурному влиянию.

А что чувствуем мы во время исполнения нашего гимна? Что переживает русский человек при звучании «Варяга» или даже вступительных аккордов «Прощания славянки»? По воспоминаниям ассистента Склифосовского, у них в клинике с тяжёлой травмой головы лежала в коме музыкально образованная полячка, и «профессор имел возможность следить за колебаниями кровяного давления в её черепной полости в зависимости от слышимой музыки. Как оказалось, что для каждого композитора и даже для каждой пьесы существовал свой прилив крови, своё кровяное давление в мозговых сосудах и, что всего замечательнее, патриотическое чувство польки проявлялось в резком повышении кровяного давления всякий раз, когда играли при ней даже самые посредственные пьесы Венявского».

Понятие «генетические музыкальные коды» уже почти столетие используется психологами, изучающими механизмы эмоций в их связи с процессами формирования и преобразования динамических стереотипов. Учёными давно просчитано, в какой степени от звучащей в нас внутренней музыки зависит не только интеллектуально-эмоциональное состояние, но и физиологическая, и даже химическая деятельность нашего мышечного аппарата. Отсюда, от декодировки генетической памяти, услышанная нами мелодия вдруг решительно и неоглядно заполняет нас молитвенным умиротворением или же вспенивает боевым духом, отсюда, из родового наследного опыта, мы по песням распознаём своих и чужих, и через это никто никогда не лишит нас нашей Родины. Где бы мы не находились.

27 января 1904 года крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вышли на свой смертный парад под «Боже, Царя храни»:

Царь Православный,

Царствуй на славу!

Царствуй на страх врагам. – И была с ними вся Россия.

Пойте, мамы, вашим малышам. Пойте им, когда укладываете спать и когда купаете, пойте, когда одеваете и выгуливаете, когда приболели они или не в настроении.

Колыбельные мотивы просты и ясны, как просты и ясны иные народные мотивы о выбирающем караване, о девице во саду ли, в огороде, о калинке-малинке, о сером зайныке, о во поле берёзоньке. Всё очень и очень незамысловато, но за этой ясностью растущий человечек ещё неосмысленно, ещё непредставимо но ощутимо становится участником тысячелетий. Ведь сутевое свойство фольклора – чрезмерно ёмкого слова-понятия, вмещающего в себя столь различные формы народного творчества от эпоса до частушек, при всей изменчивости и избирательности в процессе устной передачи, прежде всего, определяется его непрерывностью-преемственностью. При этом народная музыка прочно связана с территорией и конкретным историческим временем, отражает характер каждого рода-племени с его обычаями и памятью истории, что определяет неповторимость своеобразия многосложной но цельной системы музыкальных диалектов в общенациональной музыкальной культуре.

Пойте, мамы, вашим малышам. Есть научные наблюдения: если мама регулярно напевает недоношенному ребенку, он гораздо быстрее набирается сил. Да и у самих женщин, начинавших петь своим детям ещё до их рождения, течение беременности протекает заметно легче. Важен направляемый эмоциональный посыл, ведь речь и музыка суть родственные формы коммуникации, а ваша песня – это же песня любви. Любви! – а что ещё связует двух самых-самых родных существ на свете?

Замена маминых песен телевизором, компьютерными играми или записями эстрады, чревата развитием у ребенка синдрома «дефицита внимания» – неспособностью сосредотачиваться. Сегодня эта психопатология встречается уже у 15-20 процентов детей.

Личность развивается этапами. Существуют различные мнения об их границах – периоды определяют и в пять, и в семь, и даже в десять лет. Лично мне ближе деление на семилетия – в семь мы заходим в школу, в четырнадцать впервые влюбляемся, в двадцать один становимся действительно совершеннолетними, а в сорок два мудреем. И каждый переход из одного возраста в иной сопровождается жёсткой переоценкой ценностей. С, порой, излишне страстным отрицанием былых авторитетов, с опрокидыванием кумирен и низвержением идолов.

Фольклор в подростковом возрасте вряд ли кого уже насытит. После четырнадцати не сидится дома, после четырнадцати все дороги только выводят, все ветры только зовут, а звёзды обещают. С этого времени вселенная не уместается ни в теле, ни в семье, ни в горизонтах. В этом состоянии ума и чувств малая родина и племя ужимаются в имя-отчество, хочется Империи.

Но это уже другие песни.